

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''1914/1915''+351.761

«ПЬЯНАЯ» ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВО ВРЕМЯ «СУХОГО ЗАКОНА» (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1914 – 1915 ГОД)

С. В. Богданов

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь, Россия

На основании анализа следственных дел рассматриваются проявления городской «пьяной» повседневности во время «сухого закона»: социальный состав городских пьяниц, употребление горожанами алкоголя в быту и в праздники, тайная торговля денатурированным спиртом, действия полиции и местных властей в связи с нарушениями закона. Как и в других губерниях, в Тверской распространение получило бытовое употребление сурогатов, они поставлялись на чёрный рынок медицинскими работниками, бывшими служащими казенных винных лавок, перевозчиками казенного вина и горожанами, промышленявшими в период действия «сухого закона» торговлей алкоголем. Автор заключает, что ввиду широко распространившихся употребления и торговли денатуратом, проблема пьянства в городской среде усугубилась, а «сухой закон» бездействовал.

Ключевые слова: «сухой закон», Тверская губерния, город, повседневная жизнь, спиртные напитки, алкоголизм, пьянство, денатурат, незаконная торговля.

С июля 1914 г. сфера алкоголя в городской жизни регулировалась так называемым «сухим законом». Его введение законодательно растянулось с конца июля 1914 по конец 1915 г. В соответствии с «Положением о государственной охране» и именным указом Правительствующему сенату от 24 июня 1914 г. населению всех городов и сельских местностей запрещалось распитие крепких напитков «в открытых местах», появление на улицах в состоянии «явного опьянения», а также хранение крепких напитков в количестве, превышающем потребности личного потребления. 29 июля тверской губернатор Н. Г. фон Бюнтинг издал соответствующее обязательное постановление, закончив его так: «Предупреждаю население Тверской губернии, что за тайную продажу спиртных напитков, вина и пива, виновные будут подлежать строжайшей ответственности, как лица своими действиями наносящие вред нашей стране»¹.

В обязательном постановлении губернатора от 6 августа был объявлен запрет на продажу спиртных напитков², по обязательному постановле-

¹ Тверские губернские ведомости (далее – ТГВ). 1914. № 63. С. 1.

Tverskie gubernskie vedomosti (TGV), 1914, № 63, S. 1.

² ТГВ. 1914. № 68. С. 1.

TGV, 1914, № 67, S. 1.

нию от 16 августа были запрещены продажа крепких напитков частными лицами, не получившими разрешение, и продажа спиртного распивочно или на вынос в частных местах питейной торговли. Частные лица всё ещё могли осуществлять торговлю виноградными винами – по соглашению с управлением акцизными сборами³.

Полное запрещение продажи крепких напитков не наступило: из продажи должна была быть удалена только водка, вслед за водкой прекратили существование многие казенные винные лавки, изменился состав участников питейного рынка. Сама же питейная торговля на первых порах запрещена не была, более того государство не собиралось от неё отказываться. 27 июля 1914 г. правительство приняло закон «О некоторых мерах к усилению средств казны в виду обстоятельств военного времени», по которому устанавливались новые цены на спиртные напитки и новые акцизы⁴. С 12 августа 1914 г. министерством финансов были установлены предельные часы торговли спиртным: в казенных винных лавках – с 9 до 18 часов (в субботние и предпраздничные дни с 9 до 14 часов), в частных местах с 9 до 14 (вне городов и вблизи предприятий) и с 9 до 18 часов. Распивочная торговля могла производиться до 21 часа, а в «прочих частных местах» – до 23 часов⁵.

О полном запрещении продажи спиртных изделий «до окончания военного времени» местному обществу было объявлено 26 августа 1914 г.⁶, но в реальности и этим постановлением дело не закончилось⁷. В целом обязательные постановления в сфере продажи алкоголя, принятые до конца лета 1914 г., были нацелены скорее на перспективу. Все последующие постановления, напротив, были призваны искоренить те негативные моменты, появление которых обуславливалось введением запретов в августе 1914 г.

Постановлением губернатора от 1 февраля 1915 г. в губернии воспрещалась продажа частными лицами опьяняющих или одурманивающих веществ, пива домашнего приготовления, политуры, лака, одеколона, денатурированного спирта и киндер-бальзама⁸. 8 апреля последовал запрет на продажу и вывоз древесного спирта⁹. 29 июля губернатор запретил ввоз в губернию денатурированного спирта¹⁰. 6 октября была воспрещена продажа из аптек и аптекарских магазинов киндер-бальзама, эфирно-

³ Там же. 1914. № 70. С. 1.

Ibid, 1914, № 70, S. 1.

⁴ Там же. 1914. № 65. 2 авг.

Ibid, 1914, № 65, 2 avgusta.

⁵ Там же. 1914. № 71. С. 2.

Ibid, 1914, № 71, S. 2

⁶ Там же. 1914. № 72. С. 1.

Ibid, 1914, №72, S. 1/

⁷ Тверская губерния в годы первой мировой войны: сб. док. Тверь, 2009. С. 172, прим. 1

⁸ ТГВ. 1915. № 8. 3 февр.

TGV. 1915. № 8. 3 fevralya.

⁹ Там же. 1915. № 26. 10 апр.

Ibid, 1915, № 26, 10 aprelya.

¹⁰ ТГВ. 1915. № 58. 31 июл.

TGV, 1915, № 58, 31 iyulya.

валериановых капель, турецкого спирта, гофмановских капель и калганной настойки¹¹. 13 ноября был запрещён отпуск из аптек всех спиртосодержащих препаратов, кроме тех, которые не могли служить целям опьянения¹². К концу 1915 г., таким образом, в продаже не должно было остаться спиртосодержащих напитков, которые городские обыватели могли приобрести легальным путём.

Однако в 1916 г. «градус» алкогольной обстановки возрос. Об этом можно судить по участвовавшим в «Тверских губернских ведомостях» публикациям по этому поводу. Большая часть из них была издана начальником Двинского военного округа, и предназначалась для Осташковского уезда – помимо пьянства воинское начальство беспокоило распространение здесь проституции¹³ (думается, что это было связано с увеличившимися к осени 1916 г. масштабами пьянства в солдатской среде¹⁴). Этими постановлениями запрещалось приготовление, хранение и продажа суррогатных спиртных веществ, изготовление и починка перегонных аппаратов, отпуск по рецептам врачей виноградных вин из ренсковых погребов¹⁵. 31 октября 1916 г. главнокомандующий армиями издал обязательное постановление о борьбе с пьянством для уездов разных губерний, среди них – Зубцовского, Новоторжского, Ржевского и Старицкого Тверской губернии. В соответствии с ним запрещались: продажа опьяняющих напитков, за исключением виноградного вина; хранение механизмов для выделки вина; продажа из аптек без рецепта; продажа лака, палитур, одеколона и древесного спирта «нижним воинским чинам, малолетним и алкоголикам»; факты продажи надлежало записывать в специальные книги¹⁶. Особо отметим, что дела о тайном винокурении, тайном хранении брагоперегонных аппаратов, винокурении для домашнего производства и о появлении в пьяном виде в публичном месте теперь стали относиться к разряду уголовных дел. С точки зрения права мирного времени это было беспрецедентной нормой, во время войны государство шло и на это.

* * *

Уже в начальный период действия в Российской империи «сухого закона» отчётливо проявились черты «пьяной повседневности», свойственные

¹¹ Там же. № 77. 6 окт.

Ibid, 1915, № 77, 6 oktyabrya.

¹² Там же. 1915. № 89. 13 нояб.

Ibid, 1915, № 89, 13 noyabrya.

¹³ Там же. 1915. № 14. 19 февр.

Ibid, 1915, № 14, 19 fevraiya.

¹⁴ См.: Тверская губерния... № 80, 82, 83. С. 132–133.

Tverskaya guberniya..., № 80, 82, 83, S. 132–133

¹⁵ ТГВ. 1916. № 12. 12 февр.; № 35. 3 мая; № 38. 13 мая; № 43. 31 мая; № 45. 8 июн.; № 68. 26 авг.; № 88. 4 нояб.

TGV, 1916, № 12, 12 fevralya; № 35, 3 maya; № 38, 13 maya; № 43, 31 maya; № 45, 8 iyunya № 68. 26 avgusta; № 88. 4 noyabrya.

¹⁶ Там же. 1916. № 93. 22 нояб.

Ibid, 1916, № 93, 22 noyabrya.

российскому довоенному обществу. При этом изменилась повседневная жизнь тех городских и сельских обывателей, для которых потребление крепких напитков не было повседневной привычкой. Алкогольная проблема, о которой исследователи зачастую судят по работам дореволюционных авторов, периодической печати, отчётам обществ и попечительств о народной трезвости, воспоминаниям, художественной литературе и по обсуждению «народного пьянства» в правительственных кругах¹⁷, в первичных документах периода действия «сухого закона» предстаёт несколько иначе. В первые месяцы действия «сухого закона» в городской повседневности проявился относительно новый социальный персонаж: пьяный до беспамятства человек, валяющийся на земле или шатающийся среди публики, оскорбляющий общество своим невольным поведением и матерной бранью. Конечно, пьяницы встречались на улицах городов, сел и деревень и ранее, однако с введением запрета на появление в общественных местах в состоянии «явного опьянения» эта сторона общественной жизни не исчезла, а, наоборот, усугубилась.

Материалы следственных дел о нарушениях обязательных постановлений губернатора дают уникальную возможность детально изучать проблему «русского пьянства», поскольку из них становится известно многое о каждом пьянице, пойманном полицией на улицах тверских городов. Ценность таких материалов трудно переоценить: «сухой закон» предусматривал запрет на появление в нетрезвом виде, но не употребление крепких напитков; в законе постепенно был введён запрет на продажу крепких спиртных напитков, но торговля спиртосодержащими веществами (из аптек), денатураатами (из казенных лавок) и дорогим алкоголем (в ренсковых погребах и в ресторанах) не была отменена. В этой ситуации начали работать механизмы, позволявшие определённым кругам городского и сельского обществ поддерживать привычный для них образ жизни, а городскому и сельскому населению в целом осуществлять принятые обряды. Некоторые горожане сочли «сухой закон» за «благо», давшее им возможность наживаться (категория таких предприимчивых горожан была значительной и в неё входили не только торговцы «зелёным змием», но и наживавшиеся на высоких ценах на продовольственные товары). В настоящей статье рассматриваются типичные ситуации городской «пьяной» повседневности периода «сухого закона».

Городские пьяницы. Изученные материалы второй половины 1914 г. и часть материалов за 1915 г. показывают, что в городах Тверской губернии самыми приверженными к нетрезвости были лица «без определённых занятий», лица, выполнявшие подённую или черную работу, реже – «рабочие». Почти все они – выходцы из крестьян, постоянно проживавшие в городах (но зарегистрированные «на родине») (во второй половине –

¹⁷ См., например: *Быкова А. Г.* Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Омск, 2012. С. 17–22, 25, 34–38.

Быкова А. Г., *Alkohol'nyi vopros v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachala XX veka*, avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk, Omsk, 2012, S. 17–22, 25, 34–38.

67 %, по неполным данным за 1915 г. – 59 %). В подавляющем большинстве случаев арестованные за появление в состоянии явного опьянения никаким имуществом кроме носимого платья не обладали, существовали на скромные заработки или же были иждивенцами, жили на съёмной квартире или в ночлежном доме. Из всех арестованных за нетрезвость в городах Тверской губернии в августе–декабре 1914 г. пятая часть характеризуются как «имевшие пристрастие к употреблению крепких напитков». Отдельно по городам эта цифра значительно корректируется: в Бежецке 71 % арестованных вели «нетрезвый образ жизни», в Торжке – 57 %, Кашине – 43 %, Ржеве – 20 %, Твери – 8 %, в Старице и Вышнем Волочке среди арестантов таковых не оказалось. (Отметим, что в абсолютных значениях по арестованным за появление в состоянии явного опьянения лидировала Тверь – здесь было задержано 77 человек, Торжке – 14, Ржеве – 10, Кашине – 7, Бежецке – 7, Вышнем Волочке – 2, Старице – 1). Все из алкоголиков, задержанных на улицах тверских городов, не работали на постоянной основе; рабочие, выходцы из крестьян, имевшие постоянный и относительно высокий заработок (от 40 руб. в месяц), напротив, значительно реже попадались полиции в пьяном виде.

Обозначенные типичные черты портрета «российского пьяницы» проявляются в свидетельских показаниях женщин, супруги которых отбывали наказание в казематах после задержания на городских улицах в состоянии сильного алкогольного опьянения, а также в характеристиках, данных полицией неженатым пьяницам. О задержанном за хулиганство на почве нетрезвости 27-летнем жителе Твери мещанине Н. А. Боярском полиция сообщала, что он живет при отце, время проводит в праздности, часто бывает в трактирных заведениях, где играет на бильярде или в карты, занимается маклачеством – покупает и продаёт мелкие вещи. Его «друг по несчастью» – житель Твери из крестьян И. Д. Кокошкин (25 лет) – ничем не занимался, жил на отцовское наследство, жил праздности, разъезжая по городу на мотоциклете и играя на бильярде и в карты¹⁸. Жена жителя Ржева мещанина Н. Я. Юпатова (29 лет), работавшем сторожем, сообщала, что он работой заниматься не любил, и «если заработает несколько рублей, то стремится скорее пропить или проиграть в карты в обществе таких же праздных товарищей»¹⁹. Юпатов был задержан в нетрезвом виде в компании с проституткой К. Осиповой. Мещанин В. Баранов (21 г.), не работавший и ведший нетрезвый образ жизни, жил на средства матери²⁰.

Схожие привычки приобретали дети зажиточных выходцев из крестьян. Крестьянский сын Ф. Котиков (16 лет), который так и не закончил

¹⁸ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 23168. Л. 4, 5.

State Archive of Tver Region (GATO), F. 56, Op. 1, D. 23168, L. 4, 5.

¹⁹ Там же. Д. 23145. Л. 2 об.–3.

Ibid, D. 23145, L. 2 ob.–3.

²⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 23110. Л. 1, 3, 4.

GATO, F. 56, Op. 1, D. 23110, L. 1, 3, 4.

курс обучения в Вышневолоцком реальном училище, жил при состоятельных родителях, промышлял в 1915 г. тайной торговлей денатуратом, порой обманывая незадачливых покупателей, вырученные деньги спускал на азартные игры²¹. Постоянный житель Твери крестьянин Тверского уезда И. Кокошкин жил на наследство отца, время проводил в праздности, разъезжая по Твери на мотоциклетке, играл в бильярд, карты и неоднократно замечался в нетрезвости²². Юный житель Бежецка И. Веселов (19 лет) жизнь вёл разгульную, хоть и жил при родителях и занимался плотницким ремеслом²³. Все такие «элементы» зачастую проводили время в таких трактирах и чайных, где «всегда ютились разные элементы народа, выпивающие вино»²⁴. Одним из таких притонов в Ржеве была чайная лавка М. Леоновой, где постоянно распивали денатурат и играли в карты, здесь всегда находились «преступного мира люди, и где даже половой – поднадзорный»²⁵.

Для характеризованных выше персонажей предпосылкой к пьянству была праздность. Не стоит при этом удивляться тому, что большинство из нарушавших в городах общественное спокойствие в пьяном виде составляли постоянно проживавшие в городах выходцы из крестьян. Не рассматривая в рамках данной статьи вопрос о пьянстве в деревне, отметим, что сохранившиеся от конца XIX – начала XX в. приговоры крестьянских обществ о запрещении питейной торговли позволяют увидеть, что пьянство в деревне было одним из проявлений трансформации патриархального уклада жизни (отметим, что ещё одним таким проявлением было спокойное отношение к добрачным связям²⁶), чему крестьянский мир противостоял.

Конечно, «пьяная повседневность» характерна не для всех горожан крестьянского происхождения. Многие представители городского пролетариата, а также крестьяне, жившие на родине и занимавшиеся крестьянским трудом, после запрета продажи водки становились «пьяницами поневоле» (впрочем, их совокупное число среди задержанных незначительно). Их периодическая потребность в спиртном удовлетворялась быстро распространившимися в городской среде денатуратом, древесным спиртом, лаком или политурой, а также спиртосодержащими лекарственными веществами вро-

²¹ Там же. Д. 23167. Л. 3.

Ibid, D. 23167, L. 3.

²² Там же. Д. 23168. Л. 5.

Ibid, D. 23168, L. 5.

²³ Там же. Д. 23107. Л. 2, 3 об.

Ibid, D. 23168, L. 5.

²⁴ Там же. Д. 23187. Л. 6 об.

Ibid, D. 23187, L. 6 об.

²⁵ Там же. Д. 23062. Л. 7–9.

Ibid, D. 23062, L. 7–9.

²⁶ *Безгин В. В. Прелюбодеяние и блуд в жизни русского села (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских учёных (Гранты ACLS 2002–2009 гг.): сб. ст. Тамбов, 2010. С. 36.*

Bezgin V. V., Prelyubodeyanie i blud v zhizni russkogo sela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.), Problemy rossiiskoi istorii v issledovaniyakh tambovskikh uchenykh (Granty ACLS 2002–2009 gg.). sb. st.. Tambov, 2010, S. 36

де гофмановских капель или киндер-бальзама. Так, тверской мещанин маляр С. А. Путрин, задержанный за появление в нетрезвом виде, объяснял в полиции, что захотел выпить, но так как натурального вина нигде добыть нельзя, то он развел бывшую у него дома политуру и выпил²⁷. Крестьянин Старицкого уезда П. Шевяков (31 год) был задержан 24.03.1915 г. в Старице в состоянии сильнейшего опьянения. На следующий день выяснилось, что он постоянно проживает на родине, занимается производством горшков, женат, имеет троих детей, содержит мать и двух сестёр, хорошего поведения и в неблагонадёжности не замечался. Пьян был от денатурата, которым его угостили «два неизвестных солдата», распивавших спиртное на улице. Шевякову, который, по его словам, «соблазнившись этой выпивкой, попросил угостить», налили чайный стакан и разбавили квасом. Он выпил и что было дальше, он уже не помнил²⁸.

Употребление даже малого количества денатурата, ставшего к осени 1914 г. почти повсеместно в Российской империи городским бытовым явлением²⁹ (в деревнях употребляли напитки, готовившиеся в домашних условиях), вызывало сильнейшее опьянение, после чего люди, протрезвевшие в полицейских казематах, ничего не могли вспомнить. Случались и летальные исходы, для статистики которых, к сожалению, очень мало данных.

Наконец, во второй половине 1914 г. в обыденную городскую жизнь влились солдаты и офицеры, ратники государственного ополчения, а также военнопленные, дополнившие картину пьяной городской повседневности. Распространённым стало пьянство мобилизованных на военную службу, усугублённое потреблением суррогатов (так, в дер. Устиново Калязинского уезда распивали лак трое призванных – «дабы напиться допьяна»³⁰). Число нижних воинских чинов в 1914 г. увеличилось с 7,7 тыс. до 42 тыс. чел., а в 1915 г. в прифронтовой Тверской губернии было размещено уже 120 тыс. солдат³¹. Приток мобилизованных открывал для нерадивых содержателей трактирных и чайных заведений перспективы лёгкой наживы. Так, крестьянин В. А. Журавлёв, хоть и жаловался на то, что «... во время мобилизации публики много скапливается в заведении», но охотно этим пользовался³². В

²⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22737. Л. 10 об.

ГАТО, Ф. 56. Оп. 1, Д. 22737, Л. 1–2 об.

²⁸ Там же. Д. 23180. Л. 1–2 об.

Ibid, D. 23180, L. 1–2 ob

²⁹ Щербинин П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. 2003. № 2. С. 65.

Shcherbinin P. P., *Alkohol' v povsednevnoi zhizni rossiiskoi provintsii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 godov*, Vestnik Chelyabinskogo universiteta, Seriya 1, Istoriya, 2003, № 2, S. 65.

³⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 20330. Л. 2.

ГАТО, Ф. 56. Оп. 1, Д. 20330, Л. 2.

³¹ Тверская губерния... № 81. С. 132.

Tverskaya guberniya..., № 81, S. 132

³² ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 23089. Л. 17.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 23089, Л. 17.

ржевском трактире крестьянки А. Борисовой было расквартировано 20 нижних чинов, для которых, – жаловался сосед Шишков, – в трактире допускалось запрещённое распитие спиртных напитков³³.

5 сентября 1914 г. начальник тверского гарнизона просил тверского губернатора всё-таки закрыть ренсковые погреба и усилить надзор за продажей виноградных вин. Он обосновал это тем, что со дня открытия ренсковых погребов в гарнизоне значительно увеличилось число пьяных нижних чинов, а карцеры в связи с этим заполнены³⁴. Губернатор распорядился о закрытии всех винных лавок и о прекращении питейной торговли в дни работы призывных участков³⁵. Впрочем, в изученных нами следственных делах (1914–1915 гг.) нет ни одного задержанного за нетрезвость солдата или ратника, но остаётся фактом их стремление к употреблению спиртного. Иногда этому способствовали сердобольные горожане: 13 января 1915 г. два нетрезвых тверских мещанина были задержаны в тот момент, когда, бужучи в подпитии, угощали имевшимся у них денатуратом отправлявшихся на фронт солдат³⁶. Пьяные дебоши, которые устраивали офицеры расквартированных в тверских городах полков³⁷, не были новостью городской жизни – в Твери пьяные офицеры часто устраивали дебоши в домах терпимости, трактирах и на улицах. Но в условиях «сухого закона» такие выходки становились нарушением закона. Действительным новшеством в городской жизни стали пьяные военнопленные. 10 января 1915 г. в Твери за нетрезвость был арестован австрийский военнопленный Корежь (так фамилия указана в деле. – С. Б.) (в Твери он работал уборщиком снега с трамвайных путей). При дознании выяснилось, что денатуратом его угостил знакомый русский рабочий Буров, а тот пояснил, что встретившийся ему австриец в разговоре высказал пожелание выпить, после чего они вместе пошли искать спирт³⁸.

Борьба с нарушителями «сухого закона» стала неотъемлемой частью повседневной службы полиции. Если прежде полиция обращала внимание на самые вопиющие проявления «пьяной» повседневности, то теперь городским теперь едва ли не ежедневно приходилось доставлять в казематы пьяных, поднятых ими на улицах или слонявшихся в пьяном виде. Иногда пьяницы бросались с кулаками, грубили городским, или даже их кусали. Чином полиции приходилось теперь выявлять и тайную торговлю алкоголем.

³³ Там же. Д. 22932. Л. 4.

Ibid, D. 22932, L. 4.

³⁴ Там же. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1457. Л. 17–17 об.

Ibid, F. 486, Op. 1, D. 1457, L. 17–17 ob.

³⁵ Там же. Л. 22–22 об.

Ibid, L. 22–22 ob.

³⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 23075. Л. 3.

Ibid, F. 56, Op. 1, D. 23075, L. 3.

³⁷ См.: Тверская губерния... № 245. С. 374–376.

Tverskaya guberniya..., № 245, S. 374–376.

³⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22943. Л. 8.

GATO, F. 56, Op. 1, D. 22943, L. 8.

Подспорье полиции в этом деле оказывали доносы, ставшие частью городской и сельской повседневности. Из доноса жителей казармы фабрики Берга полиция узнала и незаконной продаже политуры С. Ф. Жуковым («... из сил выбились... спирт Жукову привозит какой-то солдат»); анонимка жителя д. Коньковская слобода Старицкого уезда «навела» полицию на след крестьян, якобы незаконно торговавших пивом; две анонимки поступили на Ржевскую мещанку А. А. Круглову («... день и ночь на Конной площади... нет покою...»); в письме к осташковскому полицейскому надзирателю новоторжский уездный предводитель дворянства от 08.01.1915 г. сообщал о связи беспорядков в усадьбе новоторжского помещика Мошина с продажей денатурата в казенной лавке Осташкова («С открытием в Осташкове 01.01. продажи в казенной лавке денатурированного спирта началось приобретение этого спирта местными пьяницами бутылками и опивание им...»); 4 ноября 1915 г. к владельцу Морозовской фабрики («в канцелярию Барину») было написано анонимное письмо, авторы которого просили «... нельзя ли сходить со всей полицией... [в] дом Милина... Иван Милин и жена его Марья... торгуют ханжой... Оне нас разорили ханжой...»; Семенова сообщила полиции о незаконной торговле виноградными винами К. И. Шароновой³⁹.

Иногда незаконная торговля выявлялась благодаря показаниям задержанных в пьяном виде, но чаще всего отрезвевшие задержанные не всегда могли вспомнить, где они приобретали суррогаты, чаще всего показывали, что купили у незнакомцев, которые, судя по туманным показаниям, промышляли продажей денатурата. Наконец, полиция проводила спецоперации, в одной из которых в тайной продаже денатурата был уличён тверской мещанин В. Д. Пахомов⁴⁰. В ходе борьбы за трезвое общество у полиции возникла проблема: куда девать конфискованный денатурат? В полицейских участках скопилось большое его количество, и полиция всерьёз опасалась, что это послужит соблазном для страждущей публики⁴¹. К счастью, до 1917 г. эти опасения так и не оправдались

Крепкие напитки в «обрядовой» повседневности. После введение частичного, а затем и полного запрета на торговлю крепкими спиртными, и перед теми обывателями, кто был склонен к употреблению алкоголя, и перед теми, кто не замечался в тяге к спиртному, встало несколько проблем: где достать качественное питье; где достать, чтобы выпить; где и как выпивать?

Качественные крепкие напитки можно было приобрести в ренсковых погребах, но с введением запретов их владельцы должны были получить у губернатора специальное разрешение на приобретение в торговых

³⁹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22991. Л. 4–5; Д. 23013. Л. 5; Д. 23003. Л. 3–4; Д. 23023. Л. 8; Д. 22852. Л. 13–14; Д. 22659. Л. 6.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22991, Л. 4–5; Д. 23013, Л. 5; Д. 23003, Л. 3–4; Д. 23023, Л. 8; Д. 22852, Л. 13–14; Д. 22659, Л. 6.

⁴⁰ Там же. Д. 22609. Л. 2.

Ibid, D. 22069, L. 2.

⁴¹ Там же. Д. 13886. Л. 1–1 об.

Ibid, D. 13886, L. 1–1 ob.

фирмах Москвы или Санкт-Петербурга крепких напитков, таких как русский коньяк, ром, горькие водки, наливки, вино, красное церковное вино, шампанские вина. Владельцы ренсковых погребов в прошениях указывали точное количество и разновидности закупаемых напитков и указывали, в каких целях они хотят их реализовать⁴². Так, в одном из таких прошений указывалось, что виноградное вино будет поставляться для нужд лабораторий земских больниц – в частности херес планировался для приготовления «гофмановского элексира» и «рвотного вина», а коньяк и портвейн проситель желал поставлять для больных в качестве обезволивающего и снотворного средства⁴³. Новоторжский купец Н. И. Поляков, открытие ренского погреба которого зависело от жребия (именно так с осени 1914 г. стали выдаваться разрешения на открытие питейных заведений⁴⁴), просил губернатора продлить работу его ренского погреба, коих в Торжке было 5, и в случае разрешения он обязывался бесплатно доставлять вино для раненых во все лазареты Торжка и в тюремную церковь⁴⁵. За других торговцев просили: так, в январе 1915 г. вышневолоцкий помещик П. К. Ползанов отправил на имя губернатора ходатайство, в котором просил «бросить» жребий в пользу купца В. А. Чистякова, поскольку последний жертвовал дом под ясли. Примечательно, что сам Чистяков прошения на открытие ренского погреба не подавал⁴⁶.

В письме к управляющему акцизными сборами от 17 января 1915 г. губернатор Бюнтинг предлагал взять под контроль акцизного ведомства выдачу разрешений на приобретение крепких напитков. Ответ акцизного чиновника был в духе всей финансовой политики государства: «... поездка в Москву и Санкт-Петербург обходится довольно дорого, то ограничивать количество приобретаемых напитков вряд ли удобно...»⁴⁷.

Вместе с тем запрет на торговлю крепкими напитками отразился на сторонах городской и сельской бытовой повседневности, в которых употребление алкоголя было регламентировано обычаями. 18 ноября 1915 г. крестьянин Василий Савельев в прошении к губернатору писал о том, что устраивает свадьбу младшего брата Ивана, но в Кашине нет никакой возможности достать крепкие спиртные напитки, «без которых не обходится ни одна свадьба»⁴⁸. Его прошение было отклонено, как и такое же прошение

⁴² ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13886. Л. 66, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 83. ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 13886, Л. 66, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 83.

⁴³ Там же. Л. 6, 7.

Ibid, L. 6, 7.

⁴⁴ Там же. Л. 114 об.

Ibid, L. 114 об.

⁴⁵ Там же. Д. 13886. Л. 118.

Ibid, L. 118.

⁴⁶ Там же. Л. 122, 124.

Ibid, L. 122, 124.

⁴⁷ Там же. Л. 102.

Ibid, L. 102.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 24908. Л. 42.

жителя Ржева Морокина⁴⁹. 28 февраля 1915 г. бежецкий парикмахер Романов подал губернатору прошение о разрешении купить вина для поминок матери – ему также отказали⁵⁰.

По закону нарушением стало считаться употребление алкоголя в такие дни, когда выпить было делом «святым». По случаю масленицы выпивали два постоянно проживавших в Ржеве крестьянина Ржевского уезда – лавочник Н. Иванов (23-х лет) и ломовой извозчик И. Струнин (20-и лет). При ночном обходе города их, спящими «в мертвецки пьяном виде» в лавке Иванова, обнаружил городской и препроводил в каземат до вытрезвления⁵¹. 21.03.1915 г., на второй день Пасхи, на улицах Ржева были задержаны мещанин И. Иванов и крестьянин А. Петров.

«Пострадали» также и служители культов. Корчевской уездный исправник доносил 21 января 1915 г. губернатору, что в Корчеву за вином являются церковные старосты, но купить напиток не могут, «что ставит церковь в затруднительное положение». В январе 1915 г. священник тюремной церкви Торжка Алексей Флоренский просил губернатора разрешить вышеупомянутому содержанию ренского погребца Н. И. Полякову разрешить открыть в Торжке ренский погреб, поскольку тот брал на себя обязательства доставлять вино бесплатно в тюремную церковь – других способов приобрести вино для церковных нужд у Флоренского просто не было. В специальной телеграмме тверскому губернатору министр МВД Маклаков распорядился, что евреям для исполнения их обрядов можно закупать только виноградное изюмное вино, а пейсаховую (изюмную) водку – нет⁵².

В конце 1915 – начале 1916 г. административному наказанию были подвергнуты 15 крестьян д.Коньковской слободы Старицкого уезда – «за незаконную торговлю пивом домашнего приготовления». Все они – и мужчины, и женщины – были крепкими дворохозяевами, вряд ли нуждающимися в дополнительном источнике дохода. Поводом для расследования послужило анонимное заявление, в котором указывалось, что почти каждое воскресенье в деревне много пьяных солдат из старицкого гарнизона, об этом же поведал сельский староста. Обвиняемые в один голос утверждали, что невиновны, пиво, обнаруженное у них полицией при дознании, они варили к Пасхе – «так заведено по обычаю»⁵³. К этой – общей для всех – формулировке одна из обвиняемых – Н. А. Храмцова – добавила, что второй раз после празднования Пасхи она варила пиво для мужа, который

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 24908, Л. 42.

⁴⁹ Там же. Л. 46–47.

Ibid, L. 46–47.

⁵⁰ Там же. Л. 192, 193.

Ibid, L. 192, 193.

⁵¹ Там же. Д. 23155. Л. 1–2.

Ibid, D. 23155, L. 1–2.

⁵² Там же. Д. 23185. Л. 2 об., 115, 168, 256.

Ibid, D. 23185, L. 2ob., 115, 168, 256.

⁵³ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 23013. Л. 1–4, 5, 35–74.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 23013, Л. 1–4, 5, 35–74.

прибыл домой на побывку, а другой – И. В. Куракин – объяснил, что пиво он варил во второй раз по случаю приезда зятя «на навозницу» – и в этот раз «по обычаю». Между тем полиция проявила завидную формальную стойкость: все обвиняемые были наказаны арестом сроком на 1 месяц; наказание вынуждена была отбывать даже родившая непосредственно перед началом назначенного срока ареста Т. И. Рунева⁵⁴.

Формальности были соблюдены и в других случаях. Так, в июне 1915 г. административное взыскание было наложено на мещанина Н. О. Шавырина, в чайной лавке у которого полиция обнаружила 7 бутылок разного вина. Сам Шавырин в прошении на имя губернатора объяснил, что вино в количестве 13 бутылок он купил в Калязине в ренковом погребе для празднования именин, 6 из них выпил со священником села Калинкино, а оставшиеся хранил дома, где их обнаружила полиция при обыске. Продавать это вино Шавырин не собирался⁵⁵. Так же формально полиция отнеслась и к торжокской мещанке Т. М. Терехиной: её обвинили в тайной продаже настоек, сделанных на спирте, чего она, как видно из материалов дела, не совершала⁵⁶.

Запрещение распития спиртных напитков в общественных местах (чайных лавках и трактирах) ограничивало обывателей в следовании другим «традиционным» обрядам, например, привычке «обмыть» проведённую сделку. Так, 25 октября 1915 г. крестьянин А. Кононов закупил в Бежецке большую партию товара и вознамерился выпить по этому случаю. В лавке он застал двух крестьян, работавших в Бежецке, – А. Фаддеева и И. Елисеева, – и предложил им выпить. С этой целью в складчину Фаддеев за 60 руб. где-то купил 4 бутылки коньяка, одна из них была распита компаниями. Здесь их обнаружил городской, арестовал, коньяк изъял, а Фаддеева арестовали за незаконную продажу⁵⁷.

В целом уже к концу лета 1914 г. сложилась двоякая ситуация: качественные, но дорогие некрепкие и крепкие спиртные напитки (кроме водки) можно было легально купить в питейных заведениях, имеющих соответствующее разрешение, а также по рецептам врачей в аптеках. Приобретение водки для большинства «несостоятельных» обывателей стало невозможным, поэтому они искали и находили заменители – дешёвые и быстро охмеляющие. Однако и те, и другие не могли потреблять приобретённые напитки в публичных местах (что было сложившейся практикой), и уж тем более находиться в публичном месте в состоянии «явного опьянения».

Это порождало курьезы. 9 сентября 1914 г. было возбуждено дело по факту нарушения обязательного постановления губернатора от 8 августа 1914 г. буфетчиком Д. В. Зябловым, крестьянином Ярославской губернии.

⁵⁴ Там же. Л. 41, 68, 77–91.

Ibid, L. 41, 68, 77–91.

⁵⁵ Там же. Д. 22957. Л. 2, 7.

Ibid, D. 22957, L. 2, 7.

⁵⁶ Там же. Д. 22877.

Ibid, D. 22877.

⁵⁷ Там же. Д. 22960. Л. 1, 2, 5, 7.

Ibid, D. 22960, L. 1, 2, 5, 7.

При расследовании обстоятельств выяснилось, что Зяблов из пароходного буфета продал за 4 руб. крестьянину Калязинского уезда М. Д. Огурцову две полубутылки коньяка. Огурцов, прибыв в Калязин, отправился в гостиницу Кочерова, в буфете которой пытался распить приобретенный коньяк: он просил слугу откупорить коньяк, тот поначалу отказывался, ссылаясь на запрет хозяина, но затем уступил настойчивым просьбам Огурцова, предложив откупорить бутылки не у стола, а... в отхожем месте. Так и сделали, однако им помешал городской Водовозов, зашедший туда по нужде. Весь коньяк у незадачливого Огурцова был отобран⁵⁸. Так же распивали денатурированный спирт Н. И. Борзов (крестьянин Тверского уезда 54 лет, семьянин)⁵⁹. В отхожем месте Художественного театра Твери пил политуру работавший в Твери позолотчиком крестьянин Клинского уезда И. С. Потапов⁶⁰.

Крепкие напитки на «чёрном рынке». По закону крепкие напитки на основе спирта должны были исчезнуть из повседневной жизни. Но не исчезли: потребность всех категорий пьющих горожан в крепких напитках стала восполняться нелегально – довольно быстро развилась тайная питейная торговля, доселе практически неизвестная (до лета 1914 г. продажа крепких напитков производилась из торговых мест, на которые выдавались патенты; чиновники акцизного управления рассматривали каждое прошение и принимали соответствующее решение⁶¹). Это обстоятельство вызывало удивление у власть имущих. Так, новоторжский уездный исправник 1 ноября 1914 г. сообщал губернатору, что участились «случаи появления лиц в городе Торжке в местах скопления публики в сильной степени опьянения», хотя «в виду обстоятельств военного времени в городе Торжке и вообще Новоторжском уезде нет ни одного [питейного] заведения»⁶².

Управляющий акцизными сборами Тверской губернии сообщал тверскому губернатору: «... начались попытки тайного винокурения на примитивных аппаратах, приготовления в домашних условиях бражки и вина с целью их сбыта... среди населения распространены письменные указания способа приготовления этих напитков...»⁶³. В действительности, бражка редко была предметом тайной торговли. Господствовали спиртосодержащие вещества.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22596. Л. 4, 5 об., 7 об.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22596, Л. 4, 5 об., 7 об.

⁵⁹ Там же. Д. 22682. Л. 3, 4, 5–5 об.

Ibid, D. 22682, L. 3, 4, 5 об.

⁶⁰ Там же. Д. 22676. Л. 4, 5.

Ibid, D. 22676, L. 4, 5.

⁶¹ См. протоколы заседаний комиссии акцизных надзирателей за 1912 г.: ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6771.

ГАТО, Ф. 819, Оп. 1, Д. 6771.

⁶² Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22773. Л. 1.

Ibid, F. 56, Op. 1, D. 22773, L. 1.

⁶³ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 24908. Л. 1.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 24908, L. 1.

Проявления тайной виноторговли (шинкарства) были вариативными. Изученные документы позволяют выделить типы торговцев зельем, для которых обеспечение крепкими напитками страждущих стало обыденной жизнью или её частью.

Первыми тайной продажей казенного вина, а затем денатурата, стали промышленники сидельцы казенных винных лавок, служащие винных складов, владельцы ренсковых погребов, и крестьяне, нанимавшиеся на перевозку казенного вина из лавок на склады. М. Ткачук, бывший продавец казенной винной лавки, после её закрытия наживался тем, что продавал оставшимся в лавке вином. Он оправдывался тем, что семья у него большая (8 детей), а получаемого им жалования – 30 руб. – недостаёт⁶⁴.

Незаконной продажей спиртного с целью личной выгоды занимались сотрудники медицинских учреждений – лазаретов, госпиталей и аптек. В декабре 1914 г. к сведению уездных исправников губернатор сообщал, что «... некоторые лазареты и госпитали выписывают вино и спирт в увеличенном размере», и «... на практике некоторые аптекари свободно, без рецептов, отпускали турецкий спирт и гофмановские капли»⁶⁵. 16 января 1915 г. губернатор сообщал акцизному чиновнику: «... в виду дошедших слухов... в некоторых казенных лавках денатурированный спирт отпускается в больших количествах [превышающих потребности]»⁶⁶.

Отпуском опьяняющих напитков (киндер-бальзам, турецкий спирт, лондонские капли, одеколон и чистый спирт) рабочим кувшиновской фабрики злоупотреблял аптекарь, полтавский мещанин Г. А. Эдельштейн⁶⁷. Напитки и средства продавались им по завышенной цене, но страждущих это не останавливало: рабочий А. Н. Богомолов (из крестьян) за два дня на покупку киндер-бальзама и одеколona потратил 25 руб. (на вопрос «для чего пил?» отвечал: «чтобы потверже было, для веселья»); другой мастер-сапожник пил киндер-бальзам три дня, после чего, простившись без расчёта с хозяином мастерской, скрылся в неизвестном направлении. У Эдельштейна и его аптеки сложилась плохая репутация («как закрыли казенку, стало много туда ходить народу»), т.е. аптека стала единственным местом приобретения крепких напитков – и для веселья, и для опохмелья⁶⁸. Сам Эдельштейн показал, что отпускал спиртосодержащие вещества не всем, а «исключительно мещанам интеллигентным»⁶⁹.

⁶⁴ Там же. Д. 22174. Л. 1, 2, 6, 7.

Ibid, D. 22174, L. 1, 2, 6, 7.

⁶⁵ Там же. Д. 22174. Л. 63, 64.

Ibid, D. 22174, L. 63, 64.

⁶⁶ Там же. Д. 24908. Л. 104.

Ibid, D. 24908, L. 104

⁶⁷ Там же. Д. 22655.

Ibid, D. 22655.

⁶⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22655. Л. 5–9 об.

GATO, F. 56, Op. 1, D. 22655, L. 5–9 ob.

⁶⁹ Там же. Л. 16.

Ibid, L. 16.

Весной 1915 г. из Твери был выслан врач А. О. Ладзынь за выдачу рецептов на водочные изделия⁷⁰. В незаконной продаже киндер-бальзама в феврале 1915 г. уличался осташковский аптекарь В. Ю. Гансен⁷¹.

Сложность регулирования этой сферы оборота спиртного состояла в том, что, согласно циркулярам Министерства финансов и МВД от 19 и 18 марта 1912 г., из аптек по рецептам врачей отпускались нелечебные виноградные вина (бургундское, русское, французское белое и красное, рейнвейн, мадера, малага, портвейн, токайское, херес, коньяк и ром), а водочные изделия (хинная водка, английская горькая, рябиновая, наливки, ликеры) в ограниченном количестве можно было приобрести без рецепта⁷². Естественно, и пьющая публика, и аптекари использовали это обстоятельство в свою пользу, вынуждая власти вводить всё новые запреты.

Продажа денатурата и других спиртных напитков стала ремеслом для многих горожан и деревенщиков (во второй половине 1914 г. в продаже алкоголя были уличены 33 чел., 22 % от всех правонарушений; по неполным данным за 1915 г. за тайную продажу было арестовано 63 чел. (32 %), к этому числу можно прибавить незаконный привоз денатурата – 11 чел. (6 %)). Тайным снабжением нижних воинских чинов и ратников Государственного ополчения в сентябре 1914 г. занимался 15-летний крестьянин Е. Васильев, который нигде не учился и ничем не занимался – он продавал вино «Народное» (смесь виноградного вина и денатурата), от которого отравился ратник Антипов⁷³. Шинкарством занимались крестьянка д.Залучье Новоторжского уезда Д. Яковлева⁷⁴ и крестьянка Тверского уезда А. Феоктистова (55 лет)⁷⁵. Успешно промышлял торговлей всеми видами напитков вышневолоцкий неработающий мещанин И. Соркин⁷⁶. Исключительно солдатам продавал денатурат тверской мещанин Н. Кириллов⁷⁷, на попытке продать денатурат солдату был пойман крестьянин Н. Петров⁷⁸.

На широкую ногу поставила свой промысел жительница Ржева из крестьян М. Беляева: она продавала денатурат преимущественно «бося-

⁷⁰ Тверская губерния... С. 371. № 242.

Tverskaya guberniya..., S. 371, № 242

⁷¹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 23123, 23124.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 23123, 23124.

⁷² Там же. Д. 24908. Л. 209, 219.

Ibid, D. 24908, L. 209, 219.

⁷³ Там же. Д. 22616. Л. 1–4.

Ibid, D. 22616, K. 1–4.

⁷⁴ Там же. Д. 22636. Л. 4.

Ibid, D. 22636, L. 4.

⁷⁵ Там же. Д. 22843. Л. 1, 3.

Ibid, D. 22843, L. 1, 3.

⁷⁶ Там же. Д. 22666. Л. 1–6, 10.

Ibid, D. 22666, L. 1–6, 10.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22840. Л. 1–3.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22840, L. 1–3.

⁷⁸ Там же. Д. 23137. Л. 2.

Ibid, D. 23137, L. 2.

кам» и проезжавшим через Ржев солдатам, а её квартира была превращена в притон. К промыслу была привлечена дочь, которая всеми способами доставала денатурат⁷⁹. В декабре 1915 г. в Талдоме за торговлю винным спиртом была арестована крестьянка Дмитровского уезда Е. С. Ванькова, воспитывавшая четверых детей без мужа, ранее судимая за продажу денатурата. Для ведения доходного дела (9–10 руб. за бутылку) она приобретала спирт в Москве⁸⁰.

Денатурат в Тверскую губернию поступал извне – местные винокуренные заводы его не производили. Для нужд тайного внутреннего рынка в конце 1914 – начале 1915 г. он стал завозиться в частном порядке из Санкт-Петербурга и Москвы. 22 июля 1915 г. тверской полицмейстер сообщал губернатору о том, что торговля денатуратом, основными потребителями которого были фабричные рабочие, была очень выгодной, приобрела широкие размеры, ей занимались те, кто «оставил честный труд и работу»⁸¹. Московский мещанин П. Т. Мозгов промышлял в Твери продажей денатурата исключительно алкоголикам, при этом продавал по завышенной цене; денатурат он привозил из Москвы⁸².

Незаконный ввоз и последующая продажа денатурата стали промыслом, как отдельных горожан, так и целых семей – благодаря «коллективному» труду в губернию шли «транспорты» с денатуратом (один такой был задержан в Савелово⁸³).

В ноябре 1915 г. на незаконном ввозе денатурата была поймана 23-летняя крестьянка М. Соловьёва, арестованная в итоге на 1 месяц⁸⁴. 18 ноября 1915 г. на станции Дорошиха близ Твери были задержаны с поличным крестьяне А. Голубков, А. Силаева и С. Бабешкин (18 лет) – они везли из Санкт-Петербурга 20 четвертных бутылей с денатуратом. После задержания Голубков искренне сожалел в том, что с задержанием спирта он потерял заработок свыше 300 руб., ведь «любители спиртных напитков охотно платят» за «ханжу» по 2,50 руб. за бутылку⁸⁵. Для него, имевшего семью и не работавшего, продажа денатурата, очевидно, была основным источником доходов. Силаева в прошении на имя губернатора, поданном после ареста на 3 месяца, писала: «... не работала и к сожалению такого трудного положения я

⁷⁹ Там же. Д. 23188. Л. 1, 1 об.

Ibid, D. 23188, L. 1, 1 ob.

⁸⁰ Там же. Д. 20039. Л. 4, 6 об.

Ibid, D. 20039, L. 4, 6 ob.

⁸¹ Там же. Д. 13713. Л. 193–193 об.

Ibid, D. 13173, L. 193–193 ob.

⁸² Там же. Д. 23162. Л. 2.

Ibid, D. 23162, L. 2.

⁸³ Тверская губерния... № 242.

Tverskaya guberniya..., № 242.

⁸⁴ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22845. Л. 1, 3 об.

GATO, F. 56, Op. 1, D. 22845, L. 1, 3 ob.

⁸⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22850. Л. 1, 4.

GATO, F. 56, Op. 1, D. 22850, L. 1, 4.

и позволила себе таким путём добыть кусок насущного хлеба на пропитание своей семье»⁸⁶. При дознании выяснилось, что муж Силаевой находится на военной службе, у неё 5-летняя дочь, а муж ранее занимался продажей спирта. Силаева была арестована, а Голубков был выслан за пределы губернии.

Семья С. Бабешкина занималась виноторговлей профессионально. В сентябре 1915 г. было открыто расследование по делу тайной торговли денатуратом крестьянкой Бежецкого уезда М. А. Бабешкиной (25 лет). Она, её муж и деверь не имели определённых занятий, но жили на широкую ногу: в декабре 1915 г. Бабешкина приобрела в Твери дом на сумму 1600 руб., тогда же заплатила штраф в 300 руб., чтобы не сидеть под арестом. Источником средств была тайная виноторговля, за которую Бабешкина привлекалась к ответственности в июле 1915 г. Полицейский надзиратель фабрики Товарищества Тверской мануфактуры сообщал, что до 1 мая 1915 г. Мария Бабешкина работала на фабрике, получая в месяц 25 руб., муж Иван (30 лет) не работал нигде, а Семён до 15.08.1915 г. работал в Петрограде на вагоностроительном заводе. В характеристике семьи Бабешкиных он указал, что они занимались торговлей денатурированным спиртом с самого начала прекращения торговли водкой, и эта торговля стала обычным занятием этой семьи, ремеслом, доставлявшем значительные средства (Бабешкины смогли в короткий срок приобрести дом)⁸⁷. Наказание Бабешкиной было суровым: губернатор постановил выселить её за пределы губернии, выехать она отказалась, поэтому была выдворена в принудительном порядке.

Другим продавцам повезло больше: они подвергались аресту на срок от 1 до 3-х месяцев. В прошениях на имя губернатора арестанты просили снисхождения, жалуясь на ухудшение здоровья или на то, что малолетние дети остались без кормильца, но такие просьбы губернатор оставлял без удовлетворения. Положенный по закону штраф (3 000 руб.) никому из нарушителей закона не был присуждён, губернское начальство ограничивалось существенно меньшими суммами (от 25 до 1000 руб.).

Существенно реже на «чёрном рынке» продавались виноградные вина или коньяк. Так, со времени закрытия казенных винных лавок торговлей виноградным вином в Кимрах стал заниматься крестьянин Московской губернии А. Ширадайкин. Вино он приобретал в Одессе, в Кимрах виноторговлю завуалировал по продаже яблок⁸⁸. Под видом торговли булочными изделиями в разнос в Ржеве разные виды бальзамов продавал крестьянин А. Башилов (пойман он был по доносу соседки)⁸⁹.

Наконец, незаконной продажей крепких напитков занимались немущие или малоимущие горожане, а также беженцы из западных губерний,

⁸⁶ Там же. Д. 22850. Л. 4.

Ibid, D. 22850, L. 4.

⁸⁷ Там же. Д. 22852. Л. 1, 2, 7–8, 13–14, 15–16, 17 об., 18–19.

Ibid, D. 22852, L. 1, 2, 7–8, 13–14, 15–16, 17 об., 18–19.

⁸⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22746. Л. 1, 5, 7, 8.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д, 22746, L. 1, 5, 7, 8.

⁸⁹ Там же. Д. 23174. Л. 2, 4 об., 5 об.

Ibid, D. 23174, L. 2, 4 ob., 5 ob.

для которых торговля денатуратом была источником существования. Из-за крайней бедности вынуждена была заниматься торговлей денатуратом жившая в Твери крестьянка А. К. Феокистова-Полякова (55 лет, римско-католического вероисповедания); продажей денатурата добывали средства на жизнь жившие в Твери беженки, крестьянки Виленской губернии Е. В. Марцынкевич и А. И. Конопенис; в Кимрах торговал вдовец крестьянин В. Александров, от бедности продажей денатурата занимался сын рабочего А. И. Жуков (спирт ему, как показали соседи по казарме фабрики Берга, привозил солдат; Жуков оправдывался тем, что живёт при отце, но тот стесняет его в средствах)⁹⁰.

Выводы. Проявления «пьяной» городской повседневности, о которых становится известно из документов, показывают её, с одной стороны, с другой – позволяют дать предварительную оценку «сухому закону» и перспективам подобной государственной политики. Надо сказать, что вводимые запреты в целом не достигли той цели, которую во введении водочного моратория усматривали идеологи борьбы за общественную трезвость. Запрет водки запустил механизм поиска её заменителя, которым очень быстро стали суррогаты, употребление которых усугубило проблему алкоголизма. Однако этот механизм сработал не у всех городских обывателей, а только у тех, кого можно назвать алкоголиком – у этой категории горожан потребление суррогатов стало бытовым явлением. Очень быстро потребности этого рынка, ушедшего в тень, стали восполняться предприимчивыми торговцами, борьба с которыми мерами ареста или крупного штрафа не имела существенного успеха (равно как не излечивал алкоголика недельный арест). Гораздо спокойнее к отсутствию водки отнеслись горожане, для которых потребление спиртного не было бытовой привычкой, хотя они, несомненно, ощущали на себе появившиеся ограничения в «обрядовом» потреблении спиртных напитков. «Достижения» «сухого закона» во второй половине 1914 – 1915 гг. показали полную неэффективность запретов в сфере потребления алкоголя, однако государство так и не захотело изменить ситуацию в лучшую сторону средствами просвещения через общества трезвости и попечительства о народной трезвости, через государственное регулирование питейной торговли и через совершенствование системы социального и медицинского призраения алкоголиков.

Список литературы

1. *Безгин В. В.* Прелюбодеяние и блуд в жизни русского села (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы российской истории в исследованиях тамбовских учёных: сб. ст. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2010. С. 36.

⁹⁰ Там же. Д. 22949. Л. 8; Д. 22976. Л. 1, 3; Д. 23020. Л. 1; Д. 22963. Л. 2, 4 об.; Д. 22991. Л. 34–35.

Ibid, D. 22949, L. 8; D. 22976, L. 1, 3; D. 23020, L. 1; D. 22963, L. 2, 4 об.; D. 22991, L. 34–35.

2. Щербинин П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. 2003. № 2. С. 62–72.

«DRUNKEN» DAILY LIFE IN THE CITY DURING THE «SUHOJ ZAKON» («PROHIBITION ») (SECOND HALF OF 1914–1915)

S. V. Bogdanov

The Tver' State University, The Dept of Russian History, *Tver', Russia*

Based on the analysis of investigative cases are considered manifestations of urban «drunken» daily during the «prohibition»: the social composition of the city drinkers, drinking alcohol citizens in everyday life and on holidays, the secret sale of denatured alcohol, the police and local authorities in connection with violations of the law. As in other provinces, in the Tver distribution has received domestic consumption of the surrogates, they were delivered to the black market for health workers, former employees of state-owned wine shops, wine carriers treasury and townspeople hunted during the period of «prohibition» trade in alcohol. The author concludes that in view of the widely distributed denatured alcohol consumption and trade, the problem of alcoholism in an urban environment worsened, and the «prohibition» inactive.

Keywords: *«Prohibition», Tver province, 1914–1915, the daily life in the city, alcoholism, alcohol abuse, meth, trafficking.*

Об авторе:

БОГДАНОВ Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

About the author:

BOGDANOV Sergei Vladimirovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History, The Tver' State University (170100, Russia, Tver', Trekhsvyatsky str., 16/31, off. 207), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

References:

- Bezgin V. V., *Prelyubodeyanie i blud v zhizni russkogo sela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*, Problemy rossiiskoi istorii v issledovaniyakh tambovskikh uchenykh. sb. st.. Tambov. Izdatel'stvo TGTU, 2010, S. 36
- Shcherbinin P. P., *Alkohol' v povsednevnoi zhizni rossiiskoi provintsii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 godov*, Vestnik Chelyabinskogo universiteta, Seriya 1, Istoriya, 2003, № 2, S. 62–72.

Статья поступила в редакцию 10.03.2015 г.